

Идея - 1997. - Загл. - с. 4.

Другая жизнь Олега Кагана

Фильмом о судьбе великого русского скрипача пока не заинтересовался ни один телеканал

Замечательный режиссер-мультипликатор Андрей Хржановский вдруг снял документальную ленту. Хотя новичком в документалистике себя не считает, справедливо полагая, что его анимационная пушкинская трилогия, построенная на рукописях и рисунках поэта, — тоже документ. И документ огромной художественной силы.

Автор прекрасных анимационных фильмов — «Жил-был Козявин», «Дом, который построил Джек», «Пейзаж с можжевельником» — Хржановский будто всю жизнь сознательно шел к этой крупной, трагической и светлой картине. Называется она «Олег Каган. Жизнь после жизни» и рассказывает о творчестве безвременно ушедшего талантливого скрипача. Фильм сразу же, без промедления обрушивается на зрителя: «Это интервью Олег Каган дал за два дня до смерти».

Он играл, как Бог, играл так, что Свято-слав Рихтер, услышав его музыку, сказал: «Вот с этим скрипачом я бы хотел работать». Высочайшая, какая только может быть, похвала.

Об Олеге Кагане в фильме вспоминают выдающиеся российские музыканты — Мстислав Ростропович, Геннадий Рождественский, Альфред Шнитке, Наталия Гутман, Нина Дорлиак. Вспоминают с любовью и болью.

Собственно, любовь, боль и музыка стали главными действующими лицами этой пронзительной ленты. Режиссер так сумел выстроить сюжет, что каждый следующий эпизод, кадр, план только множит и множит скорбь. На последнем концерте Олега Кагана, где он играл вместе с Юрием Башметом, дежурили два врача, чтобы в любой момент оказать помощь. Врачи ничего не понимали, а только разводили руками: многие жизненные показатели были на нулях. За год три операции, нестерпимые боли. «Человек, испытывающий такие боли, не может так играть», — скажет один из участников фильма.

А он мог. Преодолевая себя и свой смертельный недуг. Его в этой жизни держала жена, Наталия Гутман, дети Маша и Саша и, конечно же, музыка, которую он водопадом извергал из скрипки. Музыка царит во всем пространстве фильма, сообщая ему особо трагическую интонацию. Музыка и закадровый голос режиссера, который почти бесстрастно, вроде бы безэмоционально комментирует видеоряд. И именно потому, что Хржановский так, казалось бы, буднично говорит о жизни и смерти великого музыкан-

та, становится еще страшнее, чем от самого истощающего вопля.

А он действительно был великим музыкантом. Альфред Шнитке сказал, что Каган обладал способностью повышать возможности музыки. Недооцененный при жизни, он, авторы фильма уверены в этом, в XXI веке станет идеалом исполнительского мастерства.

Голосом, привыкшим к горю, но с горем не смирившимся, на кадрах последнего концерта виртуоза Наталия Гутман скажет, что все знали: как только закончится этот концерт, наступит конец его жизни. Но звучит его божественная музыка, которая чуть-чуть помогает пережить боль разлуки и утраты.

Масса материала, который нашел А.Хржановский, продиктовала и объем картины — две серии по 50 минут каждая. В документалистике такое случается крайне редко. Что и отпугнуло ряд наших телекомпаний, которых авторы пытались заинтересовать своим талантливым фильмом. «Очень длинный и очень печальный фильм», — са-

мый популярный вежливый отказ слышали создатели картины «Олег Каган. Жизнь после жизни».

Ну что касается длины, то, как известно, хорошего много не бывает. А что до печали, то она заложена в ткань фильма изначально. Печаль — замысел и воплощение. Печаль — потому что, когда в расцвете лет из жизни уходят талантливейшие люди, никакого иного чувства испытывать не приходится.

Несколько просмотров в московском «Киноцентре» не решают проблемы зрительской востребованности картины. В театральном прокате документальное кино не приживается. Остается только телевидение с его мощными просветительскими возможностями. И не воспользоваться этими возможностями было бы обидно. За зрителя, который рискует так никогда не узнать, что был такой замечательный музыкант. И за память об этом замечательном музыканте.

Валерий ТУРОВСКИЙ,
«Известия»